

СЕКЦИЯ СТЕНДОВЫХ ДОКЛАДОВ

В.Д. Иудин

Санкт-Петербургский государственный университет

«ТОРПАРСКИЙ ВОПРОС» В ФИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Зарождение «торпарского вопроса» традиционно принято увязывать, одной стороны, с занявшим многие десятилетия процессом складывания сословной структуры финского общества, с другой – со сложившейся в годы существования Великого герцогства Финляндского системой взаимоотношений между шведской державой и финской землей, сводившейся к попыткам нарастить объем посевных площадей и компенсировать демографические потери за счет «колонии» королевства и приведшей, во многом, к формированию двух категорий арендаторов земли – «лампуоти» и «торпари». Введение в отечественную историографическую традицию этих наименований коррелирует с переводом монографий финских исследователей В. Расила – «Этап урегулирования вопроса о фермере» (1970) и А. Сойнинена – «Наше старое сельское хозяйство» (1974) [5, с. 103-104]. Видный советский и российский историк Л.В. Суни (1932-2022) в одной из новейших своих работ отметил, что эти категории уже имели полноценное место в финской социально-экономической жизни первой четверти XIX века [5, с. 103-104]. Если «лампуоти» представляли собою зажиточных лиц, имевших бюргерское или дворянское происхождение, то «торпари», не будучи даже крестьянами, арендовали землю вследствие отсутствия собственного надела. Другое отличие «торпарей» от «лампуоти» состояло в том, что последние арендовали земли со всеми постройками, инвентарем, сельскохозяйственным имуществом; первые же довольствовались лишь наделом [5, с. 103-104].

Начало исследованию «торпарского вопроса» в финской традиции было положено исследователем шведского происхождения Акселем Варреном (1814-1885) в монографии «*Torparissa Suomessa*» («Торпари Финляндии») [1, с. 181]. Варрен показал в своем труде подлинную подноготную «торпарского вопроса», которая носила отнюдь не материальный, а сугубо юридический характер и сводилась, в частности, к отсутствию договорной основы. Последняя была введена лишь в 1901 году. Весьма определенно высказался относительно положения «торпарей» и историк шведского происхождения И. Ирье-Коскинен (Форсман) (1830-1903), который приравнял последних к рабам [5, с. 106]. Эти точки зрения вполне уместно считать прямой предтечей концептуальных построений XX – начала XXI вв. в финс-

кой историографической традиции, к числу которых надлежит отнести работы Э. Карху, М. Клинге, Х. Мейнандера. Менее известными являются труды А. Сойнинена, В. Расила, Э. Ютикаллы, Т. Миллинтауса К. Калейнена, А. Куустеры; их издание пришлось на 50-е – 80-е гг. прошлого столетия.

Видный финский и карельский исследователь Э.Г. Карху (1923-2008), отделяя крестьян от «безземельных», ввел финский термин, обозначающий первых – «*talonpoika*» (что переводится как «сын усадьбы») [2, с. 21]. Акцент, содержащийся в основе этого понятия, был отнесен им к собственническому статусу крестьян, который и являлся межой, отделявшей первое от наименований категорий «безземельных» – *mdkitupalaiset* («малых арендаторов») и *loiset (irtolaiset)* («бродяг» – финских «пауперов»), относящимся к самым обездоленным категориям сельского населения. Категория «торпарей» вписывалась им в один ряд с представителями двух вышеуказанных: произвол помещика, по мнению Карху, нивелировал преимущества первых перед последними [2, с. 21-22]. Вместе с тем, Карху дал весьма любопытную характеристику положения «торпарей», указав на предоставленное им государством разрешение заниматься разработкой лесных и заболоченных земель [2, с. 21], что свидетельствует об осведомленности автора относительно законодательных инициатив 1902 года, ставших результатом работы учрежденной при участии Н.И. Бобрикова комиссии о «безземельных». Особое внимание уделил «торпарскому вопросу» известный финский историк М. Клинге (р.1936), который выявил данные о динамике численности «торпарей»: если в 1750 году она достигала 5000 человек, то к 1895 году соответствующий показатель увеличился в 14(!) раз [3, с. 112-113]. Клинге полагал, что «торпарская система» питала и поддерживала, в значительной мере, и шведскую, и российскую экономики [3, с. 112-113]. Современный финский исследователь Х. Мейнандер (р.1960), не акцентируя внимания на «торпарском вопросе», вскрыл влияние сельской инфраструктуры на общее состояние хозяйств и показатели урожайности [4, с. 112]. Его работа стала, в этом отношении, попыткой концептуального обобщения в области сельской социально-экономической жизни автономии.

В заключение надлежит отметить, что «торпарский вопрос» занял в финской историографии особое место, что обусловлено, во-первых, зафиксированной в источниках актуальностью ононого в шведскую и имперскую пору; во-вторых, особенностями исследовательских ракурсов, тесно связанных с частными сюжетами социально-экономической истории Финляндии. Накопленный в финской историографии потенциал исследования «торпарского вопроса» позволяет пролить свет на подлинное состояние социально-экономической жизни имперской Финляндии.

Библиографический список

1. Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии: время управления Н.И. Бобрикова. М.: Книга по требованию, 2012. 524 с.
2. Карху Э.Г. История литературы Финляндии, XX век; отв. ред. М. Э. Куусинен; Акад. наук СССР, Кар. фил., Ин-т яз., лит. и ист. Л.: Наука, 1990. 607 с.
3. Клинге М. Имперская Финляндия. СПб: Изд. дом «Коло», 2005. 616 с.
4. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты; пер. со швед. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 248 с.
5. Суни Л.В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013.

В.В. Евпалов

Самарский национальный исследовательский университет

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ПРОВИНЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Теме провинции посвящено немало статей и научных исследований, число которых в последнее время растет. Дополняются данные о провинции историческими и другими областями знания. В систематизированном виде знания о провинции обогащаются благодаря исследований Л.В. Кошман, Д.С. Лихачева, Б.Н. Миронова, Н.А. Иванова, В.П. Желтова, А.В. Головнева и силами других исследователей. Однако системный и теоретический концепты провинции для дальнейших историографических исследований не был получен, что затрудняет дальнейшие исторические исследования провинции.

И как было показано в историографическом исследовании теоретическая особенность исследования провинции является ее междисциплинарность [3, с. 66], что можно поменять форму исследования с исторической науки на иную.

Значимость данной статьи заключается в анализе историографических исследований провинции, что позволит уточнить понятия провинции. Это даст возможность расширить и углубить теоретически уже имеющийся материал. Практическая значимость статьи заключается в возможности применения полученных результатов в разработке законодательных актов российской провинции. Ведь в настоящее время с его запросами от государства и вызову из вне, изучение провинции поможет избежать проблем, которые имели место в российской истории в н. 90-х гг. [6, с. 387].

В устоявшееся традиции отечественной историографии правомерно предлагают изучать провинцию в российской истории с XVI в., когда государство встало на путь централизации, когда провинция зародилась из дихотомии метрополии-периферия. А особое географическое положение го-